

Любовь Новикова

СТИХИ

А в дому моем хоть кати шаром.
Не разжиться в нем и худым грошом.
Хоть в ладони лбом. Хоть вдоль вен ножом.
Одиночество – вот мой дом.

Здесь таким, как ты в пору волком выть –
Не досыта есть, не до пьяна пить.
Здесь дышать тебе лишь как я хочу.
Жизнь мою не снести твоему плечу.

Что я дам тебе, мой высокий гость.
Ведь в дому моем только сердца горсть.
Разучилась я жить, как все живут.
Одиночество – мой поденный труд.

Я давно людей не зову к себе.
Ведь в моей судьбе, как в курной избе –
Дымом, смрадом все заволочено.
Мой небесный дар – одиночество.

23.1.2011

Не пересохнет горло родника,
Не оскудеет щедрая рука
Пока есть ждущие воды и хлеба.
Дорога ляжет в ноги беглеца.
А мне лишь небо. Небо без конца.
Пока я есть на свете будет небо.

Здесь мой приход. Здесь Богу я молюсь,
Когда строкой горячею давлюсь,
Свою судьбу переплавляя в чудо.
И если ты взойдешь под этот кров,
Чтоб дать мне новых мук для новых слов,
Я и тебе тогда молиться буду.

Да будет праведен мой всякий грех.
Ведь я сюда пришла не для утех.
Неспросливы мои мольбы и требы.
Я у земли и слова не спрошу.
Я только небом на земле дышу.
Я буду жить, покуда будет небо.

24.1.2011

Изгнанница из алтаря любви.
Избранница небесных песнопений.
Живу, как церковь Спаса-на-крови –
Себе – погибелью, другим – спасеньем.

Откуда мне приходят силы - жить,
Я и сама еще не понимаю.
Отдать себя. И о себе забыть.
И не искать потерянного рая.

Жить так, как будто я – не здешних мест.
Как будто не из плоти, не из крови.
Как будто я – одною из невест
Христовых избрана служить при Слове.

Не для объятий руки мне даны.
Хоть руки мне даны и для объятий.
Но я их вырву из своей спины,
Когда меня захочется предать им.

Я размножу их до живых костей,
Коль им захочется тепла земного.
По этим пальцам из души моей
Сочится Слово.

16.2.2011

Опять дожди, дожди, дожди.
Пришла пора, пришло их время.
Ты подожди, не уходи.
Не уходи сейчас со всеми.

Что ж ты молчишь. О чем молчишь.
Да ты не бойся перемены.
Здесь только травы выше крыш,
Все остальное – до колена.

Куда пойдешь в такой-то дождь.
Я ль не найду тебе сخورна.
Ты белым вороном живешь.
Я тоже – белая ворона.

Там все дороги развезло.
Тебе не стоит торопиться.
Мы посидим крыло в крыло –
Две одинаковые птицы.

Такая встреча впереди
Теперь нам выпадет не скоро.
Ты подожди, не уходи.
Не улетай, мой белый ворон.

18.2.2011

Мне надо это рассказать кому-то.
(Но не тебе. Нет, ты меня не тронь)
На старом кладбище морозным утром
Мне голубь сел снежинкою в ладонь.

Как будто бы и впрямь за крошкой хлеба
(Нам все – корысть. Мы все о пятаках),
Ко мне вчера в ладонь спустилось небо.
И я его держала на руках.

Со мной такого не было ни разу.
(Кому, кому об этом рассказать)
Своим пугливым голубиным глазом
Смотрело небо прямо мне в глаза.

Из-под надгробий темных и тяжелых
Мне вечный мир крестами угрожал.
А у меня сидел в ладони голубь
И лапками по ней перебирал.

Его глазок доверчивый и круглый
Небесными мерцаньями играл.
Я голубя держала, словно друга.
И голубь от меня не улетал.

О чем мы с ним в то утро ворковали,
О чем смеялись, плакали о чем,
Одни кресты, одни надгробья знали.
Тебе ж до веку не узнать о том.

25.2.2011

Лет 30 прошло. А точнее – всего 28.
Тогда начиналась дождливая поздняя осень.
Не то чтоб со смыслом. Скорее, наверное, в шутку
Ты мне подарил свою тонкую белую трубку.

Она ни к чему мне. Давно я курю сигареты.
Они - моя слабость. Хоть, вообще-то, я - не об этом.
Хорошая трубка. Она бы тебе пригодилась
Ты можешь забрать ее. С ней ничего не случилось.

Что может случиться с обычной трубкой белой.
Ну, чуть пожелтела. Так я подбелю ее мелом.
Почищу ее. И опять она станет, как новой.
Что может случиться с обычной вещью грошовой.

Ведь лет миновало всего-ничего – 28.
Забыл? Я напомним – стояла дождливая осень.
Что ты говорил мне, и что я тебе обещала,
Я все сберегла, сохранила и не потеряла.

На черный денек твой. На тот непредвиденный случай,
Когда ты забьешься в тяжелой тоске, как в падучей,
Когда от тебя отворотятся, как от чумного,
Ты вспомни меня. Позови. Я приму и такого.

Такого. Любого. Любовь она сраму не имеет.

Она приголубит. Она твои плечи обнимет.

Она пожалеет. Она тебя примет, как милость.

Ты можешь забрать ее. С ней ничего не случилось.

25.2.2011

Я улечу из этих праздных мест

Туда, где можно целовать и плакать.

Грех был – не грех. И крест мне был – не крест.

Но я поволокла его, однако.

Поскольку, знать, такая удалась –

Мне все навзрыд, вздох да все по краю.

К тому же мне легла такая масть,

Что сразу было ясно – проиграю.

Куда тебе осилить мой изъян.

Я даже небо превратила в муку.

Когда запястье мне зажал капкан,

Я сей же миг перекусила руку.

Такая в грудь ударила тоска,

Что я не ощутила даже боли.

Поскольку – ну, зачем она, рука,

Когда из-за нее не стало воли.

Я поползла. И мой кровавый след

За мной змеился черною петлею.

А я – на свет. А мне и света нет.

Поскольку ты закрыл его собою.

Я грызла камни. Я росу пила.
Сырой землей замазывала рану.
И, милостию Божьей, два крыла
Укрыли нынче все мои изъяны.

Два паруса. Два ветра. Две пурги.
Моей судьбы два сильных оправдания.
А ты живи. Ты руки береги.
Чтоб было чем взмахнуть мне на прощанье.

28.2.2011

А вышивка пошла легко, красиво.
Игла порхала ветрено и просто.
Я поднялась сама себе на диво
Повыше человеческого роста.

И как-то сразу научилась думать
Не так, как все.
Да, видно, не на пользу.
Рожденную летать, мой век угрюмый
Все гнет к земле и заставляет ползать.

Пигмеи всеплетей и всеязычий
Диктуют – кем мне быть и что мне значить.
Такая, видно, моя доля птичья.
Такая, видно, жизнь моя собачья.

Но я не стану петь под ваше ухо.
Мне не по нраву ваш размер метровый.

Не вашим вычурным медвежьим слухом
Судить мое неласковое Слово.

Я – не про вас. Мой час еще не пробил.
Мой век еще не зачат Мирозданием.
Я здесь одна. Не в славе, но во злобе.
Сама себе закон и наказание.

28.2.2011

О, лучше бы меня совсем не стало.
Но я устала. Ох, как я устала.
А мне устать – кто ж за меня порукой.
Кто мне воздаст по силам и по мукам.

Я многому еще не научилась.
Не тех любила и не тем молилась.
А потому – кому ж теперь со мною
Жить, словно биться в стену головою.

Ну, есть ли кто, кому еще по силам
Быть избранным моим, любимым, милым.
Ну, есть ли кто в земле моей убогой,
Кто б стал мне повелителем и Богом.

Ну, хоть один из тысячней из многих,
Кому б я кланялась и мыла ноги.
Кому б я – вся, А он сказал бы – мало...
О, лучше бы меня совсем не стало.

28.2.2011

Не от щедрот, а по судьбе:

Я всю себя – всему тебе.

Вся, каждой жилкою дрожа,

В себе тобой лишь дорожа,

Я только так – чтоб вся – всему,

Единственному моему.

Дай (только – весь и только – сам)

Пристанище моим рукам,

Моим губам, моим словам.

Но только так – чтоб весь и сам.

Мне надо – лишь в такой размер.

Я не осилю полумер.

Я захлебнусь от мелких крох.

Твой выдох – это мне на вдох.

И так – до смертной до черты –

Ты – это я. Я – это ты.

1.3.2011

Благодарю Судьбу за крест в оконной раме.

Мне без него – никак. Здесь гиблые места.

Кто для чего пришел. Кто чем по жизни ранен.

А я вот - для креста. Оконного креста.

Пока не заживет мой обожженный профиль
На трудной чистоте тетрадного листа,
Я буду утверждать – не только на Голгофе
Стоять крестам. Они – не только для Христа.

Крест – он повсюду крест. Его такое дело.
Хоть руки разведи, так вот тебе и крест.
Была бы лишь душа, которая б болела
За все, что ни на есть, за всех, кто ни на есть.

Я – каждый день в окне. Полвека я распята.
Давно уж заросли на мне следы гвоздей.
И воздаяньем мне – такая же расплата,
Какую получил воскресший иудей.

Все так же страшен мир. Злы и жестоки братья.
Все так же, как тогда глаза у них пусты.
Все меньше у людей надежды на распятыя.
И падают в цене оконные кресты.

2.3.2011

По белому снегу. По белому, белому снегу.
По черному следу. По черному, черному следу.
По дебрям российским. По далям, по далям былинным
Спешу я к тебе с головою своею повинной.

Неужто и нынче вины ты моей не отпустишь.

Я - руки к тебе, ну а ты мои руки опустишь.
Даруй мне хоть это летящее прикосновение
Ведь я не любви твоей нынче прошу, а прощенья.

Чем ближе под сердце подходят последние сроки,
Тем чувства острее, тем трудней и безжалостней строки.
Тем пристальней мысли, и невыносимей страдания.
Неужто откажешь в прощении мне на прощанье.

Ведь я никогда ничего у тебя не просила.
Ты только привстал – я сама тебе двери открыла.
Лети. Мол, зачем тебе рук моих сильных неволя.
Чем сроки короче, тем глубже сознание боли.

По белому снегу. По белому, белому снегу.
По черному следу. По черному, черному следу.
Из края на край. По бескрайним земным расстояниям.
В последний свой путь за прощением и за прощаньем.

10.3.2011

Наплакалась – и снова петь.
Огню гореть. Траве шуметь.
А птице, ей – летай да пой.
У птицы нет судьбы другой.

Ее гнездо на всех ветрах.
На всех снегах, на всех дождях.
В нем вряд ли кто найдет приют.
С чужими птицы не живут.

Крыло с крылом. Как с тьмою свет.

Другой судьбы у птицы нет.

А вскинешься о том жалеть,

То не летать тебе, не петь.

Все – радость, боль, беду, тоску –

Все – в Слово, а потом – в строку.

Потом – в размер. Потом – в судьбу.

Все – перекладиной к столбу.

И столб – уже не столб, а крест.

От сердца - сердцу благовест.

Так плачь, кричи, зови. Пиши.

Не пожалей на то души.

И если Слово – не в судьбу,

Пойдешь к позорному столбу.

Другой судьбы у птицы нет.

Все, что не в Слово – под запрет,

Коль два крыла тебе в судьбу

На перекладину к столбу.

16.3.2011

Я не думала жить. Но уж так оно, видно, припало –

Я не просто живу – я пришлась на крутой перелом.

Тяну землю мою, словно крашеное одеяло

Прямо из-под меня. И играют со мной, как с огнем.

Да чего же вы так – словно я вам ни слева, ни справа.

Словно я вам – бесплодный обсевок на месте пустом.

Словно эта земля – мне не родина и не держава.

Словно можно молчать, если твой разоряется дом.

О, как мне одиноко. Как мне неприютно на свете.

Как мне больно дышать – передавлено сердце мое.

Я всю жизнь прожила, словно нищенка в рваном отрепье.

Мне изысканных яств – никогда не пришлось до краев.

Сколько я не жила – все мне сладкого не доставало.

Уж ко рту поднесу – тут и выбьют ладонным ребром.

Так оставьте хотя б это крашеное одеяло.

Чтоб могла я согреться в последнем приюте своем.

Не шутите со мной. Не дразните голодного зверя.

Терпелив, незлобив, он все годы покорствовал вам.

До креста обобрали. Все вынесли. Хлопнули дверью.

Я вам все отдала. Но последнего - я не отдам.

И за землю мою. Опозоренный вами комочек.

За клочок этот черный, где я появилась на свет,

Я вам - в горло зубами. Хлыстом этих скрученных строчек

По рукам, по глазам.

А иного мне выхода нет.

30.3.2011

Мне кажется, что я была всегда.

Как в море белопенная вода.

Как небо у меня над головой.

Как тишина. Как ветер луговой.

И вобщем-то, мне верить повод

Что я была и вечно буду здесь.

Поскольку волн морских глубинный крик

Понятнее мне, чем людской язык.

Поскольку знаки поднебесных бездн

Страшны мне меньше, чем полночный лес.

Мне сумрачные звуки тишины

Ясней всех звуков на земле слышны.

И я скорей пойду за ветром вслед,

Чем на квадратный, спящий в окнах свет.

И не случайно жители земли

Язык мой так понять и не смогли.

Ни в чем я, сколько б рядом не жила,

Договориться с ними не смогла.

Я только с морем здесь и говорю.

Я только с небом здесь и говорю.

Я только с тишиной здесь говорю.

И только их за все благодарю.

6.4.2011

Как скушно мне. Какой-то свет квадратный.

Какие-то расплывчатые пятна.

Какие-то размытые мазки.

Зачем я здесь. Кому я здесь такая.

Сама себе уже почти чужая.

Сама себе – лишь повод для тоски.

Все прожито, что было мной нажито.

Я даже и разбитого корыта

Себе не догадалась сохранить.

На черный день – ни крошки, ни полушки.

Теперь мне даже воду не из кружки,

А из худой горсти придется пить.

Моей воздушной голубой державе

Заморский принц наследства не оставил.

В заветном месте клад не закопал.

С чего я так бездумно шиковала -

Налево и направо раздавала

Свой незавидный тощий капитал.

Зачем я так. На что я полагалась.

Чем жить я, чем питаться полагалась,

Когда последний грошик отдала.

Ведь я же знала – чуда не случится.

Ко мне теперь никто не постучится.

Мне не накроют моего стола.

Зачем такие царские растраты,

Живущей от зарплаты до зарплаты.

Зачем такой цыганский разгуляй.
Зачем такая жизнь не по доходам.
Какой подземной прихоти в угоду
Всегда я наливала через край.

Ведь мне же к горлу нож не приставляли.
Полцарства мне за то не обещали.
Мне ничего никто не обещал.
А если так самой пришлось по нраву,
То, значит, нынче я имею право
Сама себе последний справить бал.

Еще не все я золото прогуляла.
Не все свои наряды истрепала.
Не все опустошила сундуки.
Такой сама себе я стол накрою,
Что на сто лет, пришедшие за мною,
Вам хватит доедать с него куски.

6.4.2011

Ты слышишь, плачет в тонких ветках ветер.
Не может быть, чтоб ты – и не заметил.
Не может быть, чтоб ты – и не узнал.
Ведь были мы, как молния с грозойю.
Как два крыла над черною землею.
Как царь с царицею. Как с морем – шквал.

И вот распались на две половины.
Последствия остались без причины.

Крест – без могилы. Песня – без певца.

Я без тебя – как слово без значенья.

Ребенок, не доживший до рожденья.

Творенье, потерявшее Творца.

Я вся твоя – от буковки до сердца.

Где ты еще найдешь единовеца

Такого, что хоть рви его живьем.

Такого, что хоть в землю по ключицы.

Какой ты царь, коль рядом нет царицы.

И как летаешь ты с одним крылом.

Чтож ты на голос мой не отозвался?

И чем ты перед Богом оправдался

За то, что мимо, как чужой прошел.

И если так уж ты богат, дружочек,

Не откажись хотя б от этих строчек,

Которым ты, как тонким веткам ствол.